

Владимир Соловьев

Империя Коррупции

ТЕРРИТОРИЯ
РУССКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИГРЫ

Владимир Рудольфович Соловьев

Империя коррупции.

Территория русской

национальной игры

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3004175

*Империя коррупции : Территория русской национальной игры: Эксмо;
М.: 2012*

ISBN 978-5-699-54425-7

Аннотация

Россия сверху донизу заражена коррупцией. Означает ли это, что у нее нет будущего? Вовсе нет. Простой пример: вы можете себе представить организм, в котором нет бактерий? Это невозможно. Микробы нужны обязательно. Другое дело, когда численность популяции перерастает некий критический предел – это означает, что организм тяжело болен. Но когда бактерии присутствуют в мизерных количествах, это вполне всех устраивает. Так и с коррупцией: пока не расцветает махровым цветом, все готовы мириться. Но когда наглость и жадность переходят все границы – необходимо лечить болезнь. Как это сделать, если каждый раз, когда у нас создаются структуры по борьбе с коррупцией, они превращаются в центры по получению денег? Когда выясняется, что борьба с коррупцией – дорогое

удовольствие, за это место надо заплатить, но оно себя окупит – ведь оно очень, очень прибыльное. Какая же метла должна прийти, чтобы победить такую систему, и можно ли ее вообще победить?

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Соловьев

Империя коррупции: Территория русской национальной игры

*Corruption – коррупция; порча; гниение; распад;
разложение; упадок; порочность; развращенность.
Англо-русский словарь общей лексики*

Предисловие

Борьба с коррупцией – это русский национальный вид спорта. С коррупцией борются все. При этом, судя по тому, что каждый последующий руководитель начинает с того, что ставит задачу борьбы с коррупцией, она неизменно побеждает. Почему? Это что, такое страшное заболевание, которое при всем старании нельзя вылечить? Или мы пытаемся бороться с чем-то, что на самом деле коррупцией в общепринятом понимании не является, поэтому все наши попытки обречены на провал?

Дмитрий Медведев, став президентом, первым делом создал две комиссии. Первая – по улучшению работы судебной системы, вторая – по борьбе с коррупцией. Собрали всех

возможных экспертов. Прошло несколько лет – и, как я понимаю, задача борьбы с коррупцией по-прежнему остается одной из основополагающих, хотя нельзя отрицать, что многое в этой области все-таки было сделано. И декларации о доходах стали заполнять и публично обсуждать, и ряд генералов был отправлен в отставку за то, что в своих декларациях они указали неточную информацию, а на одного даже завели уголовное дело. Однако в массовом сознании перелом так и не наступил.

Надо сказать, что, когда я слышу рассуждения о коррупции, все они кажутся мне скорее литературными, чем юридическими. Цитируют Карамзина, говорят, что воруют и всегда воровали, вспоминают Салтыкова-Щедрина, разводят руками, с легкой грустью улыбаются и... продолжают воровать. Народ реагирует на любые призывы к борьбе с коррупцией как на лозунг «Пчелы против меда» и особо не верит. Во многом потому, что, по крайней мере в последние годы, пределом мечтаний многих стала работа в органах власти, подразумевающая высочайший уровень доходов – конечно, неофициальных. Разве это возможно без коррупции? Вопрос риторический. Кроме всего прочего, Россия занимает крайне оскорбительные позиции в рейтингах стран, где удобно делать бизнес, и прочно удерживает верхние строчки в рейтингах стран, где коррупция всеобъемлюща.

О коррупции говорят все. При этом есть несколько базовых заблуждений. Главное из них: милиционер, берущий

деньги, гаишник, берущий деньги, врач, берущий деньги, учитель, берущий деньги, журналист, берущий деньги, – это все коррупционеры. Когда же мы поднимаемся на уровень выше, то там сталкиваемся уже не с коррупцией – что вы, что вы! – а с административной рентой. Получается, что в высоких креслах сидят уже не воры, мздоимцы и преступники, а милые интеллигентные рантье, которые всего лишь извлекают возможности из своего положения. Время от времени общество взбрыкивает, хватается за голову, кричит: «Ну как так можно, это уже чересчур!» – и тогда наступает момент внезапного отторжения. У власти открываются глаза, она обращает внимание на специфику деятельности московского правительства под руководством Лужкова, ужасается и путем сложных ритуальных танцев все-таки отправляет Лужкова в отставку, попутно в тюрьме либо под следствием оказывается ряд префектов. При этом, к сожалению, в системном отношении так ничего и не меняется.

В этой книге мы, безусловно, попытаемся привести конкретные примеры коррупции и описания коррупционной системы, существующей как в госкорпорациях, так и в муниципальных образованиях, как в министерствах, так и в разнообразных ведомствах. Но самое главное – попытаемся понять, что же за беда напала на нашу страну и почему мы никак не можем ее побороть.

Глава 1

Давайте на одну минуту представим, что в стране нет коррупции. Совсем. Пришли вы в больницу лечиться, а там коррупции нет... и нянечки за больными не убирают. Пожалуй-ста, сами, если хотите, мойте пол, выносите судна, меняйте простыни. И лекарств нет. Будут по разнарядке через три месяца. А что больной за это время умрет – ну, значит, не судьба. Вот так приехала к старику «Скорая помощь» и без всякой коррупции никуда его не повезла. Или привезла в ту больницу, куда ехать было ближе. Ну и что, что эта больница плохая? Зато без коррупции.

Остановил вас гаишник – и нет никакой коррупции. А время у него есть. Вот он вас и проверяет. Вроде вы ничего не нарушили, а он все проверяет и проверяет – и абсолютно никакой коррупции нет. У инспектора же есть право вас проверить – мало ли, может, у вас вид подозрительный или машина того же цвета и марки, что и у вас, числится в уго-не, – и весь рабочий день впереди. Это у вас какие-то дела и вы куда-то спешите, а у него все в порядке. А еще ему кажется, что вы выпили. Только кажется. Он же может ошибаться? Конечно может, но достоверно это выяснится только в медпункте, поэтому езжайте-ка на освидетельствование. Что значит «нет времени»? Разве в вашем графике пары лишних часов на данный случай не предусмотрено? Очень жаль, но

ведь и коррупции нет, так что езжайте спокойно.

Нет коррупции, прекрасно. И ваш ребенок не может поступить в университет. Нет, он хорошо учился – просто он не из того региона, где у всех стобалльный ЕГЭ за красивые глаза, и он не инвалид. И что вы будете объяснять ребенку? «Видишь ли, сынок – или дочка, – мир несправедлив»? Ну, наверное.

Или нужна вам бумажка – справка какая-нибудь или выписка. И ходите вы по всем кругам ада, и всюду очереди – без всякой коррупции! Но так мучительно долго... Да, можно поднять шум и об этом будут писать газеты. Да, при желании мы возьмем и посадим любого. А дальше что?

Вот только не надо мне рассказывать, что «все чиновники, нянечки, доктора и гаишники должны быть честными». Они честные. Они с вас денег не берут. А будете возмущаться, они вам скажут: «А вы на мою зарплату пойдете работать?» И выясняется, что зарплата у них маленькая. Да, конечно, можно спросить, зачем же они пошли работать на такую зарплату. И это вполне справедливый вопрос – только ответа на него нет. И помощи нет. И справки нет. И нянечка в больнице пол не моет. И вы на ее место не пойдете работать.

В этот момент мы начинаем горько сожалеть о том, что коррупции нет, и хором восклицаем: «Нет, на таком уровне это не коррупция, а всего лишь честное перераспределение денег. Мы просто видим, что государство платит этим людям несправедливо, и сами доплачиваем так, чтобы это было

адекватно их труду».

Наверное, это так. А справедливо – это сколько? Начиная выяснять, и вдруг обнаруживаем, что мы до сих пор живем в рамках социалистического кадастра, в котором есть тарифная квалификационная сетка. Разбираемся дальше – и с ужасом осознаем, что жить по этой сетке невозможно. Оказывается, в стране попросту не хватит денег, чтобы всем платить справедливо. Тарифная сетка работает таким образом, что, пытаясь прибавить зарплату нянечке в районной больнице, мы автоматически поднимаем зарплату даже министру здравоохранения – при этом разрыв ничуть не уменьшается, а нянечки отнюдь не начинают жить хорошо. Можно, конечно, напечатать еще денег, но они же при этом обесценятся. Зато все будет справедливо.

Тогда мы начинаем кричать: «Какая же это справедливость, когда хороший врач и хорошая нянечка получают столько же, сколько плохие?» Как ни странно, так называемые коррупционные деньги в сфере медицины и педагогики идут, как правило, действительно лучшим врачам и учителям, лучшим учебным и медицинским заведениям. Никто же не хочет за деньги попадать в плохие больницы и отдавать детей в плохие школы. Есть подозрение, что без этих денег, подмазывающих механизм налево и направо и невольно выделяющих лучших, страна остановится в параличе. Конечно, в данном случае я не имею в виду гаишников. А с другой стороны, представляете, какой ужас: вы действительно

совершили небольшое правонарушение, вас остановили, на месте денег брать не хотят. И получается, что вас наказывают уже не только тем, что вы будете вынуждены платить штраф, но и тем, что на поездку в банк и стояние в очереди уйдет масса времени. Да и выписывание протокола – не самое быстрое дело. Неприятно.

Но все это, как мы видим, низовой уровень, самый простой. С ним мы сталкиваемся каждый день, и на нем, конечно, много не заработаешь. А вот уровень чуть выше уже вызывает большое и искреннее раздражение. Впрочем, здесь зачастую наивно путают коррупцию с вымогательством. Возьмем, например, несправедливые налоговые проверки или возбуждение уголовного дела, когда с бизнесмена тянут деньги. Это, разумеется, не коррупция – это вымогательство. Общественное мнение склонно считать подобные факты коррупцией, поскольку деньги принимают сотрудники правоохранительных органов, – но это явление другого порядка. Конечно, учитывая реальные зарплаты и принцип распределения денег внутри системы, можно сказать, что, к сожалению, многие правоохранительные органы и силовые структуры могут успешно ставить перед своим названием либо аббревиатуру ООО, означающую «общество с ограниченной ответственностью», либо, что гораздо хуже, ОПГ – «организованная преступная группировка».

Всем моим слушателям, читателям, всем, кто приходит на мои концерты, я регулярно задаю один и тот же вопрос: «Как вы думаете, если мы все уедем из страны, коррупция останется?» Люди хихикают и говорят: «Нет, ну конечно, если все уедут, то и коррупции не будет». Я говорю: «Здорово. А откуда появилась коррупция?»

И меня тут же начинают убеждать, что это государство виновато. У нас вообще принято считать, что человек ни в чем не виноват – во всем виновато государство. «Хорошо, – отвечаю я, – а если мы все уедем, государство останется?» И вдруг выясняется, что ведь и никакого государства не будет, если все вдруг возьмут и уедут. Мало того, когда наши люди переезжают в другие страны, они, как правило, становятся законопослушными гражданами. Даже если поначалу они пытаются предпринять некоторые усилия по разложению системы, в которую встраиваются после переезда, то в скором времени понимают всю тщетность этих попыток, сталкиваются с невозможностью подкупить всех деятелей правопорядка и либо заканчивают свои дни в тюрьме, либо, если можно так выразиться, приходят в чувство и дальше живут как спокойные законопослушные граждане.

Для того чтобы ответить на вопрос, что за беда нас разъедает, необходимо четко понять, что ей не пять лет, не де-

сять, не пятнадцать. Не понимая истории вопроса, мы не избавимся от коррупции. Именно поэтому разоблачительные статьи в газетах, указы и даже расстрелы на площадях ничего не изменят. Назначат на освободившееся место следующего чиновника – и следующий будет такой же. И не случайно наши аналитики так любят кивать на исторический опыт, печально возводить глаза к потолку и вздыхать, что в России воровали всегда.

Позволю себе процитировать документ за номером ПР342 П9А, изданный под грифом «Совершенно секретно» 1 сентября 1922 года и подписанный заместителем председателя Совета труда и обороны Рыковым и заместителем секретаря Совета труда и обороны Гляссером.

«Все меры по борьбе со взяточничеством, близкими и смежными с ним преступными деяниями могут быть представлены следующим: первое – меры репрессивно-судебного характера, усиление ответственности за взяточничество и родственные с ним деяния, срочные судебные расследования и слушания дел о взяточничестве, усиление аппарата следственных и розыскных органов по борьбе со взяточничеством.

Второе – меры законодательного характера, расширение круга уголовно наказуемых дел в области форм взяточничества, законодательное регламентирование порядка, условий и форм пользования госорганами частным посредничеством и установлением публичного надзора за последним.

Третье – законодательное регламентирование устава, положения о госслужбе, совместничества, посредничества, участия в частных предприятиях.

Четвертое – уничтожение системы выдачи мандатов и законодательное регулирование выдачи удостоверений.

Меры контрольно-ревизионного характера: первое – организация на всех стадиях контроля договоров и подрядов и восстановление коммерческой честности подрядчиков и контрагентов.

Второе – выяснение вопроса о возможности точного учета подрядчиков и посредников, как по ведомствам, так и между ведомствами.

Третье – совместные летучки и ревизии розыскных органов.

Меры организационного характера – обязать все главнейшие хозяйственные организации составить список специальных лиц, ответственных за борьбу со взяточничеством, и обязать в самые короткие сроки рассматривать все жалобы, связанные со взяточничеством.

И пятое, общие меры, – пересмотр и чистка всех хозяйственных органов центральных и местных с точки зрения борьбы с бесхозяйственным хищением и взяточничеством».

Вдумайтесь – прошло девяносто лет! И в самом деле можно с печалью констатировать, что ничегошеньки с тех пор не изменилось, а взяточничество и казнокрадство продолжают цвести пышным цветом.

Но позвольте задать вопрос: а почему в России воровали всегда? И откуда в данном контексте появился сам термин «воровать»? Ведь воровать можно лишь тогда, когда это не твое. Свое своровать нельзя. Каждый раз, когда мы говорим «воруют», мы подразумеваем, что берут чужое. Но чье?

Понятно, что вряд ли мы назовем коррупционером чиновника, который под покровом ночи тащит из соседской квартиры деньги и ценные вещи. В этом случае он обыкновенный вор и нам неинтересен, мы его не рассматриваем. Но у кого же ворует чиновник, если мы говорим о нем, как о коррупционере? У народа? Однако в те времена, когда писали Карамзин или Салтыков-Щедрин, вряд ли о народном добре хоть кто-то заботился, и все равно коррупционеры в общественном сознании равнялись ворам. А обворованным де-факто являлся царь. Все принадлежало государю императору – не зря Николай II скромно указал в переписи населения: «Хозяин земли русской». Воровали именно у царя.

Нечистый на руку чиновник брал не свое – царское. Мало того, как человек, учитывающий российские реалии, он должен быть постоянно готов к тому, что сегодня он в шелках, а завтра может лишиться всего. Ведь все, чем он владел, было ему даровано, и даровано на самом деле на время, – а насколько долгим окажется этот срок, одному богу известно. Исторический опыт показывал, что любого впавшего в немилость деятеля могут и дворянского достоинства лишить, и разжаловать, и буквально обратить в прах. Будь ты хоть сам

Меншиков – все равно твое Березово тебя ждет и рано или поздно, скорее всего, дождется. И закончишь ты свои дни не бодрым отставным придворным в собственном дворце где-нибудь в Ницце или в Канне, а несчастным, нищим, больным стариком в убогой избе с земляным полом, затерянной в бескрайних снегах, и каждый день будешь с ужасом глядеть в глаза своим детям, которым ничего не смог передать. Причем зависит подобный исход событий не от того, честно ты служил короне или нет, а от того, попала нынче государю императору шлея под хвост или не попала.

Таким образом, даже понятие чести и репутации становилось крайне условным. Не случайна лермонтовская формулировка: «Известной подлостью прославленных отцов». Действительно, когда мы говорим о древних и знатных родах, то и древность, и знатность зачастую сильно преувеличены. Фраза из романов Александра Дюма: «Он был из благородной, но обедневшей семьи» – в условиях России звучала достаточно странно. Обедневшей – понимаем. Благородной – не очень. Само понятие благородных семей было весьма размытым. По большому счету, наше дворянство использовало эту формулировку как неудачный перевод с английского да французского. Кто они, благородные? Орловы? Но вряд ли можно назвать благородной семью человека, который осквернил себя цареубийством и впоследствии был жестоко унижен Павлом, заставившим графа на перезахоронении останков Петра III нести корону.

Строго говоря, немногие наши дворяне могли упоминать о себе и своих предках с гордостью и придыханием – по крайней мере, аналогично европейским коллегам. Сложно человеку говорить о себе с достоинством, когда это достоинство ежечасно унижается императором, которому ты принадлежишь с потрохами. Просто когда-то давным-давно в той же Англии или, скажем, Испании произошло то, чего никогда не случилось в России. В Англии короля заставили подписать Хартию вольностей, жестко ограничивающую власть монарха и определяющую права дворян. В Испании гранды во время коронации произносили ритуальную фразу: «Мы, которые ничем не хуже тебя, делаем королем тебя, который ничем не лучше нас».

В России же продолжала действовать система по своей природе рабская, унижающая сверху донизу, всех ставящая в зависимость, система, в которой и твое имущество, и твоя жизнь принадлежат императору. И получается, что и своровать-то у него, по большому счету, не самый страшный грех, – все равно ведь рано или поздно по голове достанется. Да и воруешь ты не табакерку из кармана, не канделябр со стола – так, малую толику собранного себе оставляешь.

Жалованье, которое ты получаешь на государственной службе, берется из казны, которую ты же и пополняешь. Так что по большому счету ты не то чтобы своровал – просто небольшой процент комиссионных удержал. По сути выходит, что государственная должность дается тебе на кормление – а

дальше крутись как хочешь. Феодалный принцип кормления, при котором подведомственному населению вменялось в обязанность держать княжьего наместника на полном довольствии, снабжая его натуральными продуктами, а позже – деньгами, отнюдь не является исключительно отечественным изобретением, однако в России он прижился на удивление прочно, крайне живуч и с успехом подменяет собой и институт частной собственности, и институт наследования, и заботу о репутации семьи. Как только ты добираешься до какого-то стола, включается генетическая программа, диктующая тебе, что можно и чего нельзя делать дальше. Вот тебе как столоначальнику положено то-то и то-то. Народ, конечно, постонет, да и успокоится, понимая определенную справедливость происходящего.

В советское время в среднеазиатских республиках ходила такая шутка: мол, можно в любом кишлаке на площади поставить стол, на него водрузить телефонный аппарат красного цвета – и люди тут же выстроятся в очередь к этому столу, чтобы дать сидящему за ним человеку деньги. Зачем? А просто так, на всякий случай. Так положено. Традиция. Рассказывали, что когда в Узбекистан приехала бригада из России расследовать «хлопковое дело», гордые сыны Востока вообще не могли взять в толк, чего от них хотят. Они не понимали, что им инкриминируют. Следователь спрашивает подозреваемого: «Ну ты же взятку давал?» Тот отвечает: «Нет!» – «Как так, а деньги же носил?» – «Конечно!» – «А

зачем?» — «А как же иначе, он же уважаемый человек! Разве можно не носить?» То есть заложенное в среднеазиатской культуре понимание, что можно, а чего нельзя, принципиально отличалось от того, что говорил на этот счет Уголовно-процессуальный кодекс СССР.

Иногда мне кажется, что сегодня в России такой стол с имитацией кремлевской «вертушки» можно ставить в любом селе, а то и просто в чистом поле — и тут же откуда ни возьмись к нему потянутся чередой люди с конвертиками. Ну а как иначе? Время такое, как же можно не давать? Появилось даже такое специфическое выражение: «Надо крутиться». И все крутятся, все договариваются, все всё понимают.

* * *

Если мы сейчас начнем подробно говорить об ужасах коррупции, думаю, каждый из нас мог бы написать об этой печальной стороне современной российской жизни трактат, равный по объему собранию сочинений Льва Николаевича Толстого. Однако смею предположить, что мало кто всерьез задумывался о том, почему это происходит. Есть очень верная поговорка, что в России все миллионеры назначены государством, — действительно, если человека направляют работать с природными ископаемыми, он сразу становится очень богатым. Но даже если его назначают миллиарде-

ром, он все равно де-факто – чиновник, идущий на встречи с президентом или премьер-министром, выполняющий его пожелания так, будто это приказы, заглядывающий ему в рот и четко знающий, что его судьба и судьба его состояния в первую очередь зависят от отношения власти к нему. Получается, что с царских времен ситуация по существу не изменилась. Но почему каждый житель нашей страны в какой-то момент вдруг понимает, что выгоднее служить государству?

Представьте себе обычного российского гражданина, который вдруг решил жить честно. Он прилежно учился, допустим, в медицинском институте и искренне рассчитывал жить на зарплату. И попадает он, скажем, в районную больницу врачом. Если ему сильно повезет, будет он получать ни много ни мало – тысяч двенадцать. Рублей. На них он отрабатывает первый месяц, второй. А потом получит счета. Если ему повезло и он живет в квартире, оставшейся от родителей, или вместе с родителями, то ему все равно придется заплатить за газ, свет и воду. Если же он, не дай бог, квартиру арендует, то уже можно забыть о возможности добираться на работу общественным или личным транспортом – останется только ходить пешком, – ну а про питание лучше не говорить вовсе: денег на еду, скорее всего, чисто физически не хватит.

В свое время ко мне на передачу пришел Александр Починок, занимавший тогда пост министра. Я спросил его: «А вы потребительскую корзину видели, которую вы рекомендуете? Она впечатляет». Для тех, кто не в курсе, поясню,

что потребительская корзина позволяет, например, каждому россиянину с удовольствием разок в год отправиться в кино, а также занять аж две пары туфель – одну на зиму, другую на лето. Женщинам повезло больше – им, кажется, доступна такая непозволительная роскошь, как два бюстгальтера на год, а вот мужчинам, естественно, ни одного. Мужчины, правда, по этому поводу особо не переживают, но взгляд на список, предусматривающий смену пальто раз в семь лет, тоже, по-моему, не доставляет им большой радости.

Но отдельная тема – это, конечно, пищевая корзина. Когда выяснилось, что наш гражданин должен съедать максимум по половинке яйца в день, я приготовил соответствующий завтрак и предложил его господину Починку. Он сказал: «А я мало ем, мне больше и не надо». И тогда я понял, по какому принципу составляются пищевые корзины в России. Правда, это заявил тот самый человек, который во время поездки на один из зарубежных форумов звал всех: «Скорее, скорее, бегите сюда, я нашел магазин, где потрясающее вино совсем недорого – тысячи по полторы долларов бутылка». Что ж, так всегда и бывает в России – у кого-то, простите за грубость, стул жидкий, а у кого-то жемчуг мелкий.

Если посмотреть на проблему системно, напрашивается вывод, который на первый взгляд кажется парадоксальным. В России действительно нет коррупции. Дело в том, что, когда весь народ принимает участие в каком-то процессе, он уже не является для народа чем-то внешним и чужеродным

— он становится естественным. Так что в нашем случае мы рассматриваем всего лишь назначение на кормление. Человека «ставят» на должность, тем самым давая ему право с нее кормиться. И каждый российский гражданин, попадающий во власть, внезапно оказывается в интересном положении. Он видит, что все вокруг него живут хорошо, а зарплаты маленькие. Причем и живут-то реально неплохо, и зарплаты реально остаются маленькими практически по любым меркам. Как это возможно? Ведь если посмотреть на одежду членов правительства, на их стрижки, на их машины и гаджеты, на их часы, становится понятно, что на свою зарплату они никогда в жизни такого купить не смогут. Но задать им бестактный вопрос — мол, ребята, что происходит? — совершенно невозможно. Они даже не поймут, о чем речь, в чем проблема.

Дело в том, что каждый из них, как говорится, носит несколько шляп. Каждый одновременно с исполнением своих обязанностей в правительстве является руководителем какой-нибудь государственной структуры, которая вполне официально работает на том же самом рынке, который они же и регулируют. Вот, скажем, министр транспорта Игорь Евгеньевич Левитин. Его ничего не удивляет. Он не говорит, что, наверное, тяжело конкурировать, если он сам одновременно — и регулятор рынка, и один из основных игроков. Нет, ему кажется, что это абсолютно нормально. Известны случаи, когда у иностранных партнеров буквально ум за ра-

зум заходил, когда Игорь Евгеньевич, будучи в загранпоездке, откровенно лоббировал интересы отдельных авиакомпаний и аэропортов, так что его визави приходилось задавать прямой вопрос: «Простите, а вы сейчас в каком качестве с нами беседуете?» Вопрос, который поражал господина министра. Ему не приходило в голову, что он может выступать в каком-то другом качестве, все равно же он министр.

Глава 2

Принцип взаимопроникновения чиновничества и бизнеса наиболее ярко был реализован в московском правительстве, которое по праву держало пальму первенства среди всех регионов не только в плане коррупционных схем, но и как создатель абсолютно нового подхода к коррупции. За девять дней до появления указа президента Медведева об отставке Юрия Михайловича Лужкова «Новая газета» опубликовала документ, в котором рассказывалось, как в 2004 году московское правительство по письму телеканала НТВ приняло решение о продаже автору данной книги квартиры по оценочной стоимости БТИ. Могу сказать, что это все равно было крайне недешево на тот год, но в любом случае сильно отличалось от цен, установившихся на монополизированном рынке столичного жилья. Если угодно, правительство Москвы отказывалось от своей доли – но о бесплатности речи не шло в любом случае. Квартира, которую мне предлагалось купить, представляла собой бетонный мешок, в ремонт которого надо было вложить еще раза в три больше, чем вложили строители при возведении этого объекта.

Статья была очень грязная, однозначная, меня она умилила. В ней не говорилось о том, как то же самое московское правительство дарило в немалых количествах не только квартиры, но и особняки, а то и целые кварталы людям, ко-

которые после отставки Лужкова кричали о нем, как о светоче демократии. Многие выдающиеся журналисты, руководители СМИ, деятели искусства получали бесплатные квартиры, мастерские, театры, студии, и за это готовы были биться за Юрия Михайловича до потери сознания. Но мне статья не понравилась, я решил выяснить, что происходит, и попытаться связаться с Лужковым. Прямого телефона у меня не было, и я просто позвонил в приемную.

Каково же было мое удивление, когда Лужков сказал, что хочет со мной встретиться! Уже через несколько часов я был в московской мэрии. Увиденное меня поразило. Обычно в приемной Лужкова стояло несмолкающее жужжание, на аудиенцию к этому великому человеку стремились толпы. Я говорю «великому» – потому что уровень его возможностей, а главное, представления о себе был таков, что это Юрия Михайловича высылось над Москвой, пожалуй, затмевая даже статую Петра работы Церетели. Но в этот раз в приемной не было ни одного посетителя. Все, кто еще вчера ел у Лужкова из рук, почуяв беду, разбежались.

Я зашел в кабинет. Газета лежала у Юрия Михайловича на столе. Он начал с заверений, что не имеет к этому материалу никакого отношения, что дело не в нем. А потом мы долго говорили о том, что творится в городе. И вдруг мне стало ясно, что Лужков вообще не понимает – на самом деле не понимает! – что происходит и как работает созданная при его непосредственном участии система. Он напрочь потерял

ощущение реальности. Он не знал, каких бесконечных взятков требовало получение любого разрешения на строительство. Сколько лет это занимало. Как любой конкурс, неважно, кем и для чего организованный, заканчивался требуемым результатом. Он не задавался вопросом, откуда у его заместителей – у Ресина, например, – часы за миллион, да не одни. Его не удивлял уровень жизни этих людей. В какой-то момент он реально поверил всему тому славословию, которое раздавалось в его адрес со стороны тех, чье благосостояние ежеминутно, ежесекундно зависело от настроения Лужкова. Лужков любит – и ты миллиардер. Лужкова отправляют в отставку – и все, жизнь кончается.

* * *

Когда-то Лужков сформулировал, что работать надо по-капиталистически, а распределять по-социалистически. Не знаю, получилось у него это или нет, но де-факто за годы работы в Москве он создал не только геронтофильскую власть, во многом повторяющую Политбюро, это еще полбеда. Он создал систему, которая сожрала его самого. Каждый льстец и славослов имел свой надел, с которого вкусно питался. Каждый префект ощущал себя главой отдельного государства, а внутри этого государства процветала потрясающая система. Нет буквально ни одного направления деятельности в Москве, которое было бы устроено просто, четко и яс-

но. Всюду были «прокладки» в том или ином виде. Я даже не говорю о золотом бизнесе российского строительства, где одним из основных игроков оказался тот же московский мэр со своими приближенными. Или о Владимире Иосифовиче Ресине, который, в точности как уже упомянутый министр Левитин, окончательно запутался, кто он – регулятор рынка или его хозяин.

Доходы этих людей измерялись такими цифрами, что они, по-моему, просто перестали понимать, что такое деньги. Для них они превратились в какие-то бумажки. Дорогие машины, особняки по всему миру, бизнесы, покупаемые как в России, так и в других странах, при абсолютно неэффективном управлении – для них это все было неважно и по сути незнано. Совершенно другой образ жизни. Системой они были поставлены на должность и реализовывали свое право на кормление.

Арестованный летом 2010 года и осужденный за растрату префект Южного округа Юрий Буланов – он же просто не понимает, в чем он провинился. Что он делал неправильно? Ну да, землю покупали аффилированные с ним структуры. Ну да, дома строили. Но он же все делал официально. В чем он виноват?

Его можно понять – в течение многих лет он работал под руководством Петра Бирюкова, который до последнего времени является заместителем мэра и которого даже новая городская власть не спешит отправить в отставку. И квартира

господина Бирюкова находится в доме, который принадлежит Буланову. И что такого страшного, что сын бывшего префекта возглавлял ту самую компанию, которая должна была заниматься ЖКХ в округе и которой перечислялись финансовые средства за капитальный ремонт домов? Он, вообще-то, хороший специалист, почему нет? Ну, неэффективно его фирма работает – а кто нынче эффективный? Какая вообще разница, все ведь здесь, никуда не убежали, хоть и имеется недвижимость и в Ницце, и в Монако. И что такого, что жена Буланова получала бюджетные деньги за проведение разнообразных культурных мероприятий, необходимых городу и префектуре? Что в этом такого странного? Она же талантливый организатор. Вот, пожалуйста, жена Лужкова – талантливый предприниматель. Правда?

Правда. Я несколько раз встречался с Еленой Николаевной – действительно очень умная женщина. И действительно, бизнес «Интеко» – не просто крупнейший в Москве, были и в других регионах филиалы и дочерние фирмы. С другой стороны, надо быть ребенком, чтобы не понять – если в нашей стране у тебя есть бизнес и за тобой стоит мэр Москвы, для тебя не составит никакой проблемы открыть филиал в другом городе: с тобой всегда договорятся. Все-таки мэр Москвы – это большая политическая должность. Но это же не повод сказать, что «Интеко» плохо работает! Впрочем, как только Лужков ушел с поста мэра Москвы, талантливому предпринимателю Батуриной оставалось только талантливо

смотреть, как ее бизнес переходит в чужие руки. Вопрос, на который у меня нет ответа: неужели Юрий Михайлович был так наивен, считая, что его жене дадут развернуться и дальше, когда он уйдет с должности? Второй вопрос без ответа – почему никто не учит историю? Ведь у нас так никогда не бывает. У нас система кормления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.